

Заходитъ въ комнату. Деньщикъ спрашиваетъ: „Што нужно, служивой?“—„Да вотъ заблудился въ городѣ, и не знаю, какъ найти свою часъ“. (Онъ даже ему и совралъ: не за тѣмъ пришолъ, да не смѣетъ говорить-то).—Изъ другой комнаты выходитъ генералъ въ эполетахъ и говоритъ: „А! здорово, знакомой! Ты пришолъ за отставкой? Но у меня не готова; приходи завтра утромъ! Забери весь свой багажъ: отставка тебѣ будетъ готова“.

На другой день солдатикъ приходитъ совсѣмъ уже готовый въ дорогу. Генералъ вышелъ, подаётъ ему отставку, какъ есь правильно.

8. „Ну, пойдѣмъ, служивой, я тебя провожѣу немногѣ“.—Вышли за ворота.—„Ну, служивой, имайся мнѣ за крошки!“—Солдатъ поймался, а генералъ и пошолъ такъ скоро, што рѣки и рѣчки даже перешагивалъ. Дошли до лѣсу. Солдатъ смотритъ: онѣ идутъ уже выше лѣсу; онъ лѣшимъ опять сдѣлался, несётъ ево. Одной ёлкой сдёрнуло у него фуражку. Минуты черезъ двѣ онъ и говоритъ: „Ваше Превосходительство, у меня фуражку сдёрнуло“. — „Экой ты дуракъ! Што ты раньше не говорилъ? мы теперь уже тысячу вёрстъ отошли отъ неѣ!“

Черезъ нѣсколько минутъ онъ ссадилъ ево у воротъ своего дома.—„Не безпокойся, служивой! фуражку я тебѣ занесу, когда придѣтца по пути!“—Сутки черезъ трои, ночью стучитъ въ окошко.—„Эй, служивой, дома ли?“—„Што вамъ?“—„Я фуражку тебѣ принёсъ“. И подалъ ему въ окно.

3. „Про царскую дочь“.

1. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ царь. У него была одна дочь. И она пропадала каждую ночь неизвѣстно куда. Царь вездѣ розослалъ объявленья, што „кто подкараулитъ ево дочь, за тово отдамъ замужъ и отдамъ полцарства; а не подкараулитъ, голова долой“.

Кругъ дому ево былъ полисадникъ—чуть не весь былъ завѣшенъ человѣчьимъ головамъ: какъ день, такъ и нова голова на новой полисадникѣ.

2. А служилъ солдатъ въ одномъ полкѣ. Служить ему надоѣло. Стоялъ онъ въ караулѣ, взялъ своё ружьё и пошолъ, куда глаза глядѣтъ. Шолъ долго-ли коротко-ли, близко-ли далеко-ли, вышелъ на одну на гладенькую поляну, какъ на бѣрону; тутъ стоятъ три лѣши и дѣлятъ три вещи: шапку-невидимку, скатерку-брану, и коверокъ-летунокъ. — „Богъ помочь вамъ, три лѣши, дѣлить три вещи!“ — „Спасибо, солдатикъ! раздѣли намъ эти вещи!“ — Солдатикъ зарядилъ своё ружьё и говоритъ: „я выстрѣлю: кто перешъ поймаетъ пулю, тово эти три вещи!“

Солдатъ выстрѣлилъ, да взялъ ружьё-то и повернулъ назадъ. Пуля улетѣла взать, а лѣши убѣжали вперёдъ имать пулю. Солдатикъ взялъ шапочку надѣлъ, на коверокъ сѣлъ и полетѣлъ—куда глаза глядѣтъ.

3. Прилетаетъ въ то самое царство, гдѣ пропадала царская дочь.

Всѣ эти вещи взялъ, въ кучку сжалъ и въ сумку склалъ, а самъ пошолъ къ царю.—„Вотъ я желаю караулить вашу дочь, но только не по одну ночь, а по три ночи!“ — Царь сказалъ: „если ты укараулишь, тогда отдамъ её за тебя замужъ, а не укараулишь, я съ тебя голову сниму и на полисадину повѣшу“.

Привели солдата въ спальню къ царевнѣ. Она была розгорѣжена: въ одной помѣсчался караульщикъ, а въ другой царевна. Только солдатъ роздѣлся и сѣлъ на диванъ, царевна выходитъ, наливаетъ въ стаканъ водки: „выпей, служивой!“ — Солдатъ взялъ, будто-бы выпилъ стаканъ, — отвернулся, взялъ ево и вылилъ. Тутъ у неё былъ сонной порошокъ, солдатъ и догадался: онъ былъ хитрой.

Когда подалъ простой стаканъ царевнѣ, упалъ назатъ себя и какъ бы уснулъ. Царевна посмотрѣла въ прорѣзанное окно изъ своей комнаты—солдатъ уже храпывалъ.

4. Она позвала тихимъ голосомъ своихъ слугъ и говоритъ: „принесите мнѣ 12 паръ ботинокъ и 12 паръ чулковъ!“ — Ей принесли. А у неё подъ кроватью была потаённая дверь въ подполье. Нажала пружинку,—дверь отворилась; она спускается внизъ. А солдатъ тѣмъ временемъ раскрылъ свою сумку, взялъ шапку-невидимку, надѣлъ на голову и какъ тутъ былъ.

Царевна въ подполье, и онъ за ней. Приходитъ въ

потсѣткой уголъ, тутъ лежала волшебная плита. Царевна подняла её и спустилась въ подземелье. А солдатъ за ней.

5. Побѣжала къ подземному царю. Нѣсколько времени бѣжала, добѣжала: стоитъ садъ мѣдной (это *вры* только одни сказка-та): мѣдная яблоня, мѣдные и яблоки. Только заскочила въ садъ, а солдатъ цапъ мѣдной яблокъ; взялъ да и въ сумку. Вдругъ колокола зазвенѣли, пѣшки-ружья застрѣляли: сдѣлалась тревога.

Царевнѣ пропуску не стало. Она и воротилась домой. Выходить въ свою спальню, а солдатъ уже лежитъ на своей койкѣ: онъ передомъ её вѣрвался. (Сады это—подземнова царя; только подобіе сады-тѣ, а заставы). Царевна посмотрѣла въ окно: „Спи, служивой, а черезъ два дни мой папаша тебѣ голову сниметъ!“

Утромъ некая птица не поётъ, а солдатъ во всю голову орётъ: „Давайте мнѣ обѣдъ, вина, самоваръ!“—И ему всё готово, подносятъ. Онъ весь день *шуровалъ*.

6. А вечеромъ царевна выходитъ, приносить ему золотой стаканчикъ водки.—„Выпей, служивой!“—Солдатъ взялъ, будто-бы выпилъ стаканъ,—отвернулся, взялъ ево и вылилъ. Когда подалъ простой стаканъ царевнѣ, упалъ назатъ себя—будто бы уснулъ. Царевнѣ принесли 12 паръ ботинокъ и 12 паръ чулковъ, спустилась она въ подземелье и побѣжала. Солдатъ за ней.

Мѣдной садъ прошла. Дошла до серебрянова: серебряная яблоня, серебряныя и яблоки. Солдатъ схватилъ яблоко, въ кучку сжалъ и въ сумку склалъ. Вдругъ колокола зазвенѣли, сдѣлалась большая тревога. Ей пропуску нѣтъ опять. Она воротилась домой, а солдатъ передомъ её опять ужъ на койкѣ. Посмотрѣла въ окно и говоритъ сама себѣ: „Спи, служивой, а черезъ день мой папаша тебѣ голову сниметъ!“

Утромъ некая птица не поётъ, а солдатъ во всю голову орётъ: „Давайте мнѣ обѣдъ, вина, самоваръ!“—И ему все подносятъ.

7. На третей вечеръ царевна выходитъ, подносить ему золотой кубокъ водки съ порошокъ. Солдатыкъ думаетъ: „Дай немного отвѣдаю!“—Глонулъ глотокъ, остатки вылилъ; только успѣлъ подать кубокъ царевнѣ, упалъ назатъ себя и *заспалъ*. Царевнѣ принесли 12 паръ ботинокъ и 12

паръ чулковъ; спустилась она въ подземелье и побѣжала, а солдатъ остался.

8. Минуты черезъ три солдатъ пробудился, смотритъ: царевны нѣтъ. Взялъ свою невидимку, надѣлъ на голову, нажалъ пружину; открылась потайная дверь, и солдатъ спустился въ подполье. Приходитъ къ *сутному* углу, сталъ отворачивать плитѹ. Плитѹ была тяжёлая, и онъ не могъ сразу поднять. Наконецъ всѣ свои силы собралъ и кое-какъ поднялъ эту плитѹ и спустился въ подземелье. Прошёлъ мѣдной садъ, серебряной прошёлъ, а царевны нѣтъ. Подходитъ къ золотому саду, и тутъ царевны нѣтъ. Взялъ онъ сорвалъ золотой яблокъ. Сдѣлалась такая жо тревога. Но такъ какъ царевна уже прошла, её задержать не могли, а солдатъ былъ въ своей невидимкѣ—его было не видѣть, и онъ прошёлъ вперёдъ.

9. Подходитъ къ морю и увидѣлъ: збираетца царевна на гору. Тутъ хрустальная гора. Эта гора отъ *морь-берегѹ*. Тутъ солдатъ царевну *сустигъ*. Царевна сошла на гору и говоритъ: „Явися мнѣ корѣта безъ осѣй и безъ колесѣй, а какъ просто на вѣздухъ!“ — Корѣта явилась, царевна сѣла, а солдатъ сѣлъ на колѣни,—и поѣхали черезъ морѣ къ заморскому царю.

10. Царь стрѣчаетъ царевну и говоритъ: „Любушка, почему же ты двои сутки ко мнѣ не являлась?“—„Да твои проклятые слуги меня не пустили!“—„Я сейчасъ жо прикажу всѣхъ слугъ смѣнить“.—Взялъ её за руку и повёлъ въ свой палаты. А солдатъ за ними.

Посадилъ её во стулъ, а у него былъ графинчикъ-самоварчикъ: самъ наливаетъ, самъ и подаётъ. Царь сказалъ: „Графинчикъ, подавай!“—Графинчикъ выскочилъ изъ шкафа, только *стопало*. Самъ наливаетъ, самъ и подаётъ, сначала царю, потомъ царевнѣ, не обходитъ и солдата. Царь спрашиваетъ: „Любушка, почему жо—насъ только двоѣ, а онъ наливаетъ три разъ; кому онъ подаётъ?“—„Не могу знать. Но только сегодня я ѣхала черезъ морѣ—и у меня на колѣняхъ была страшная тяжесть“.

11. „Ну-съ тепѣря пойдѣмъ. Какое я для тебя завѣлъ платье и ботинки!“—Вынимаетъ изъ шкафа и кажутъ царевнѣ. Платье и ботинки были неописанной красоты. А солдатъ ихъ взялъ, въ кучку сжалъ да въ сумку и складъ.

„Ну, теперя, Любушка, ты больше не будешь такъ ко мнѣ ходить: мы уже съ тобой повѣнчаемся!“ — „Не зашто на свѣтѣ! Мнѣ нужно есчо разъ быть у своего папаша“, говоритъ. — „Зачѣмъ?“ — „А мнѣ нужно посмотрѣть, какъ будѣтъ папаша снимать съ солдата голову!“

12. Побесѣдовали. Заморьской царь сталъ провожать царевну. Когда пришлі на бѣрегъ моря, она сказала: „Явись корета безъ осѣй и безъ колесей, а такъ просто на вѣдухѣ!“ — Корета явилась, царевна сѣла, а солдатъ не успѣлъ сѣсти ей въ колѣни, такъ какъ былъ выпивши изрядно. Корета полетѣла, а солдатъ только и успѣлъ назадъ за *крѣпачки* поймачча (какіе-то видно *крѣпачки* были слѣпаны). Схватился и поволѣлся. Переѣхали черезъ морѣ. Онъ взялъ корету въ кучку сжалъ и въ сумку складъ.

13. Царевна бѣжала — донашивала уже послѣднюю пару ботинъ и послѣднюю пару чулковъ; когда она пришла въ свою спальню, посмотрѣла въ окно на солдата, солдатъ уже спалъ на своей койкѣ. Рассмѣялась царевна: „Милый мой, живой, а завтра утромъ мой папаша тебѣ голову съѣстъ!“

На другой день некая птица не пошла въ садъ, а во всю голову орѣтъ, — просить вина, обѣдъ, самое.

14. Царь являетца самъ, вынимаетъ шапку и хочетъ съѣдки солдату голову. Солдатъ соскочилъ: „Вотъ што взѣтъ-то! изъ-за св... чей-то станѣшь головы рубить-то!“

Надѣлъ шапку-невидимку, — ево невидко и стало. И говоритъ: „Царь, ты думашь, я прокараулилъ твою дочь?! Нѣтъ, я всё знаю. Пускай ты соберѣшь всѣхъ твоихъ генераловъ, и я тогда уже объясню“.

Когда всѣ собрались, солдатъ и попросилъ положить залогъ, што „кто перебѣтъ ево слова, съ тово сто рублей и тому сто розокъ“. — Всѣ согласились. Солдатъ и розсказалъ, всё какъ было...

15. Когда дошолъ до мѣднова сада, одинъ генералъ и говоритъ: „Это не правда, этого не бываетъ!“ — Солдатъ раскрываетъ свою сумочку: „А это, — говоритъ: — „што?“ Сечасъ генерала положили на полъ и давай *сизовать*; такъ *отсизовали*, што за мое поживаешь!“

Когда дошолъ до серебрянова саду, другой генералъ: „Этого ужъ никогда не бываетъ! Ужъ мѣдны-мѣдны, это

мы видали, а ужъ серебряныхъ-то никогда не видали!“ — Солдатъ раскрываетъ свою сумочку: „а это,—говорить:—што?“ — Сечасъ генерала положили на полъ, и давай сизовать; такъ *отсизовали*, што за моё поживаешь!

Когда дошолъ до золотова саду, третій генералъ: „этова ужъ никогда не бываетъ! Ужъ мѣдны-серебрены мы видали, а ужъ золотыхъ то никогда не видали!“ — Солдатъ раскрываетъ свою сумочку: „а это — говоритъ:—што?“ — Сечасъ генерала положили на полъ и давай сизовать!...

16. „Прѣхали мы къ заморскому царю. А у царя графинчикъ-самоподавчикъ: самъ наливаетъ, самъ и подаётъ. Выставляетъ на столъ и говоритъ: графинчикъ, подавай!—графинчикъ началъ подавать всѣмъ....“ — И всѣ ево похвалили.

Потомъ выложилъ платьё. Объяснилъ всё. Царь сечасъ тогда приказалъ дочерѣ излажацца подъ вѣнецъ съ солдатомъ. Жениха и спрашиваетъ: „ну, што, служивой, ѣдешь домой или здѣсь жить будешь?“—„Домой“ сказалъ.--Царь счѣдро наградилъ ево.

17. И отправились онѣ на кораблѣ домой. Царевна спрашивать солдата: „зачѣмъ ты ѣдешь домой?“ — „Буду жать, косить, и тебя буду заставлять“.—Говорить царевна: „што вы, да разѣ у моёва папаши нѣчѣмъ прожить?“ — „А лускай! штобы ты не здумала бѣжать къ подземному заморьскому царю!“

Тогда царевна стала со слезамъ просить солдата, штобы онъ её не возилъ, и дала ему клятву быть на вѣки вѣрной. Солдатъ воротился къ царю и, когда царь померъ, сдѣлался царёмъ.

4. „Про Никиту Волокиту“. [Вѣщій сонъ].

1. Жилъ старикъ да старуха. У старика у старухи были три сына, два *просужи*, а третей—Никита-дуракъ. Старикъ построилъ новую избу и говоритъ старшему сыну: „Поди ночуй: если хорошо увидишь во снѣ, пойдёмъ жить въ новую избу, а плохо — не пойдёмъ, а продадимъ“. — Старшій сынъ ночевалъ и говоритъ: „Охъ, батюшко, — говоритъ: —